

ГИЛЬЕРМО рассказ

Утомившись от города и работы, я на весь сентябрь сняла мансарду в небольшом домике у моря. Второй этаж пустовал, а на первом жил пожилой мужчина, с которым мы молчаливо раскланивались, когда случайно пересекались в летней кухне. Я дала себе слово ничего не делать и продуктивно отдыхать, но примерно на третий день заскучала. Дефектив, который я купила в аэропорту, оказался нудным, с лежанием под солнцем я вчера переусердствовала и берегла себя до вечера в тенистой беседке, рассеянно разглядывая наш дворик и размышляя о том, как я здесь продержусь столько времени. Беседка, плотно увитая виноградом, расположилась под углом к летней кухне, и мне было отлично видно, как мой сосед вошёл туда, трепетно прижав к животу маленькую кастрюльку с подгоревшим дном. Что он там делал, я не видела, но минут через пять или даже меньше сосед снова вошёл в летнюю кухню с той же кастрюлькой... Я офигела. Выхода со слепой для меня стороны там не было, на лицо, что называется, имел место, что называется, сбой матрицы. Я потрогала себе лоб, он был горячий, и кожа болела. Мне это не понравилось. Выходило, что я так перегрелась, что уже начались глюки. «Ну нет» – подумала я, не до конца отдавая себе отчёт в том, что именно я отрицаю, и пошла удостовериться, что на кухне толкуются два одинаковых соседа с двумя одинаковыми кастрюльками.

Решительно завернув за угол и сразу же оказавшись у небольшого выступа, символизировавшего порог, я резко остановилась и тупо уставилась перед собой. В кухне никого не было. То есть совсем никого. Для верности я на полшага заступила внутрь и постояла так примерно полминуты, повернулась и...

– Аааааа, – завизжала я, вздрогнув всеми шестью руками, это был настоящий скример. Прямо напротив меня молча стоял сосед, прижимая к животу кастрюльку и вопросительно на меня глядя слезящимися красноватыми глазками. Мой крик ничуть не напугал его, он не шелохнулся. Я захлопнула рот и отступила в сторону, давая ему пройти. Он благодарственно кивнул, проследовал к плите и принялся там колдовать, впрочем, закрывая своим телом от меня все кулинарные подробности. С опаской я выглянула во двор – не идёт ли ещё один сосед («Жаль, что нам так и не удалось послушать начальника транспортного цеха»), во дворе было подчёркнуто пусто. Только одинокий бесстрашный воробей выклевывал невидимую вкуснятину из щелястого старого стола.

Я поднялась к себе наверх и через некоторое время обратила внимание, что хожу по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Может быть, позвонить хозяевам? Я снимала комнату у милой семейной пары – она русская, он итальянец.

– Pronto, – трубку поднял Гильермо, – Ciao, Marina.

– Buon giorno, – сказала я и зависла. Во-первых, по-итальянски я знала два с половиной слова, а, во-вторых, что, ну что я могла спросить?! Как так случилось, что мой сосед утроился? Гильермо бы сказал: «Devi bere Di meno!». Ну или подумал про себя.

– Come ti rilasci? – не дождавшись от меня продолжения, Гильермо решил приветливо расспросить меня о том, что нас связывало.

– Yes, thank you, I'm fine. I got a little burned, so I stayed at home today, – я перешла на более привычный для себя английский.

– Ah, ah, ah, – Гильермо поцокал языком, всячески посокрушался и посоветовал мне взять в ванной в шкафчике средство от ожогов. И там же – какое-то чрезвычайно мощное средство, чтобы окончательно не обгореть в будущем. Я искренне поблагодарила, и мы распрощались. Когда я уже сбросила звонок, подумала, что могла бы просто попросить рассказать что-то о мом соседе – откуда он, давно ли снимает здесь жильё...

Вечером я решила не идти к морю, хотя кожа после чудо-средства чувствовала себя вполне приемлемо, а вместо этого спустилась ужинать во двор. За столиком уже сидел сосед, он пил кофе и курил. Увидев, что я приближаюсь с тарелкой и стаканом, он спешно загасил сигарету прямо о стол. Мы традиционно улыбнулись друг другу и кивнули, однако обстоятельства требовали чего-то большего.

– П mіо nome è Marina, – натуржно выдавала я из себя плоды необременительных уроков итальянского, которые мне давала Моника семь лет назад.

– Я говорю по-русски, – с лёгким акцентом произнёс сосед. Он чуть наклонил голову, – Гильермо.

– О, вас зовут так же, как хозяйина дома! – восхитилась я.

– Да, вы верно заметили, – Гильермо рассмеялся. – Как вы отдыхаете?

– Спасибо, с кремом от ожогов существенно лучше.

– Солнце уже мягкое, но первое время всё равно лучше быть осторожным, – Гильермо серьёзно на меня посмотрел. – Берегите себя.

Мне почему-то сделалось неловко, я замолчала и поковыряла вилкой моцареллу и помидоры в тарелке.

– А вы давно здесь отдыхаете? – вспомнила я то, зачем, собственно, спускалась во двор.

– Отдыхаю? – переспросил Гильермо, – Я здесь отдыхаю, можно сказать, всю жизнь.

– Вы прекрасно говорите по-русски, – похвалила я.

– Да, спасибо, – он глотнул кофе, вздохнул и добавил, – моя жена была русской. Мы были женаты тридцать шесть лет. Я похоронил её в прошлом году, – он сделал жест, словно бы похоронил её прямо в этом дворе под деревом.

– О, простите. Примите мои соболезнования.

– Хорошо, что вы здесь, я хотел поделиться с вами кое-чем... Хотя не уверен, что должен это делать. Не знаю, как лучше, – он посмотрел мне в глаза, как бы ища в них ответ.

– Конечно, я слушаю, – сказала я.

– Даже не знаю... Понимаете, тридцать лет назад мы сдавали мансарду одной русской девушке. Она вот так же точно приехала в сентябре, прожила у нас неделю, потом пошла на пляж и пропала. Мы снарядили целый отряд на её поиски, но ни её, ни её тела так и не нашли.

– Печальная история, – я не совсем понимала к чему он клонит.

– Да, очень печальная. Дело в том, что вы мне очень напоминаете ту девушку. Нет, не так. Вы просто копия той девушки. Мне кажется, я немного схожу с ума и образы из прошлого начинают жить не только в моём сознании, но и переселяются в реальность.

Я молчала, не зная, что на это ответить.

– В общем, на всякий случай, я прошу вас быть особенно осторожной и беречь себя, – он поднялся, взял чашку и бычок от сигареты и нетвёрдой походкой направился в дом.

Следующие два дня я меланхолично наблюдала за тем, как около полудня Гильермо в обнимку с кастрюлькой трижды заходит в летнюю кухню. У меня созрел план. И вот, когда на следующий день первый Гильермо двинулся к летней кухне, я вышла из своего укрытия и направилась к нему. Он остановился.

– Вы не пошли сегодня к морю? – удивился он.

– Да, у меня здесь оказались дела поинтересней, – я следила за выражением его лица, оно выглядело спокойным и непроницаемым.

– А я решил согреть себе на обед вчерашнюю пасту, – Гильермо приподнял кастрюльку. – Угостить Вас?

– Не откажусь, – согласилась я неожиданно для себя. – Гильермо, я тоже хочу поделиться с вами странным наблюдением, вы позволите? – моей целью было задержать первого Гильермо до прихода второго, но я решила заодно поговорить с ним о творящейся здесь мистике.

– Да, конечно, только давайте зайдём в кухню, я могу греть пасту и слушать, – было видно, что он устал держать кастрюльку.

– Я подержу, – сказала я невежливо и буквально вырвала из рук старика кастрюльку. Гильермо изумлённо на меня посмотрел, но никак это не прокомментировал. – Мы можем сесть за стол?

Гильермо молча протянул руку, показывая, что, мол, садитесь. Мы сели. Я поставила кастрюльку перед собой и посмотрела на часы в телефоне. Второй Гильермо должен был появиться с минуты на минуту. Сердце у меня колотилось. Гильермо терпеливо ждал.

– Понимаете, каждый день... только не подумайте, что я принимаю что-то, нет. Каждый день, уже три дня подряд... с тех пор, как я обгорела и не пошла на пляж. Но это не солнечный удар, нет... с тех пор я около двенадцати дня наблюдаю, как вы заходите в летнюю кухню с этой кастрюлькой, а потом...

– Да, всё так и есть, вы в полном порядке, я в самом деле каждый день около двенадцати захожу в летнюю кухню с этой кастрюлькой. Я в ней разогреваю еду, которую для меня готовит донна Мариса.

– Дело не в этом... вы заходите на летнюю кухню трижды. Понимаете?..

– Признаться, не совсем...

– Один Гильермо зашёл, а через пять минут второй, а ещё через минуты три – третий. Но когда я сама захожу на кухню, там только один Гильермо. Или даже ни одного, если зайти после второго...

В этот момент я краем зрения заметила движение рядом с домом. Посмотрела туда и увидела, что Гильермо дубль два вышел с кастрюлькой из двери.

– А, вот и он, вот и вы, смотрите же, – завопила я, показывая пальцем на второго Гильермо. Второй Гильермо услышал меня, посмотрел в мою сторону и выронил кастрюльку, паста вывалилась на старые плиты. Я лихорадочно обернулась на первого Гильермо, но рядом никого не было.

И кастрюльки на столе тоже. Второй Гильермо уже охал, наклонившись над аварией, и пытаясь магическими движениями ладоней в воздухе вернуть пасту обратно. Я подбежала к нему и собрала всё руками.

– Простите меня, – наконец догадалась я извиниться, – не знаю, что на меня нашло...

– Ничего страшного, – улыбнулся вежливый Гильермо, – мне как раз совершенно не хотелось доедать вчерашнюю пасту, а выкинуть жалко, но вы меня спасли.

– Могу я угостить вас обедом?

– К сожалению, я совсем не выхожу отсюда, – покачал головой Гильермо.

– У меня есть фантастический суп-шоре, с креветками.

– Моя жена тоже готовила суп-шоре.

– А как её звали?

– Елена...

– О, так же, как нашу...

В этот момент из дверей дома появился третий Гильермо, я не стала кричать, просто перевела взгляд на второго, но его уже не было. Третий Гильермо увидел меня сам, спросил, почему я не на море.

– А хотите я угощу вас супом-шоре, – от всей этой белиберды мне дико захотелось есть.

– Благодарю вас, – сказал Гильермо, – но с условием, что вы поможете мне справиться с вчерашней пастой.

Мы мило пообедали вместе. На следующий день я поняла, что вряд ли смогу как-то расстроить этот сбой, кожа моя уже совершенно пришла в порядок, поэтому я собралась на пляж и спустилась во двор. Двор был пуст... Но не совсем. Оглядывая его, я зацепилась взглядом за что-то в беседке. Присмотревшись, я с ужасом поняла, что это мои ноги в моих шлёпках... Пока я в оцепенении соображала, что к чему, ноги исчезли. Я подошла к беседке, она была пуста. Я села на скамейку. Облако закрыло солнце, подул ветер. Это что же получается, меня тоже закидало? Может, вот я сейчас сижу в беседке, а тем временем из мансарды спускаюсь другая я и вот-вот увижу мои ноги? Но куда мои ноги исчезли? Нет, так не пойдёт! Я решительно встала и вышла из беседки, облако тоже сошло с солнца, и снова всё осветилось.

– Марина, – я обернулась. Из окна первого этажа на меня смотрел Гильермо, – вы решили пойти сегодня на пляж?

– Да, уже несколько дней не была, схожу, – я всё ещё была под впечатлением от своих исчезнувших ног.

– А если я попрошу вас остаться сегодня дома? – Гильермо печально покивал.

– Вы себя плохо чувствуете? – догадалась я.

– Признаться, нехорошо. У меня плохое предчувствие.

– А давление? Померить вам?

– Да, если можно.

В тот день я просидела с Гильермо несколько часов, уложила его в постель, мы разговаривали, он рассказывал мне, как учился в школе, как болел корью, как дрался с братом...

Потом он устал, и я ушла к себе. Утром я зашла проведать его, но никого не нашла. Его комната выглядела так, как будто в ней никто не живёт. Сзади раздались шаги, я обернулась. На пороге стоял другой Гильермо, хозяин.

– Ciao Marina, – сказал он. Я вдруг осознала, что старый и молодой Гильермо похожи, как отец и сын.

– Good morning! Here, I went to check on a neighbor, but he left or moved out. Do you know where he is? Did he feel bad yesterday?

– A neighbor? Marina! No one lives in the house except you, – Гильермо смотрел на меня с тревогой. Наблюдая его выражение, я подумала, что он хочет вызвать мне психиатрическую бригаду. Честно говоря, я сама себя чувствовала сумасшедшей.

В общем, когда он ушёл, не собирая вещи, я схватила сумку с деньгами и документами и ушла из этого странного места. Когда я отошла на достаточное расстояние, я вызвала такси и уехала в аэропорт.

МЕССЬЕ 31 рассказ

В дверь продолжали стучать. Спокойно твёрдой рукой я наливал себе в рюмку, но почему-то всё равно немного расплескалось. Абсолютно не огорчившись (я был хладнокровен, как никогда), я стёр пролитые капли рукавом своей белой офисной рубашки, которая аккуратно лежала на полу, вернул её обратно, залпом выпил и заколодился, как старик Ромуальдыч. После этого я проследовал на кухню, на душе уверенно светлело. В холодильнике нашёлся прекрасный маасдам с плесенью. Точными движениями я соскрёб с него всё лишнее, идеально нарезал и разложил веером на блюде. Стук в дверь не прекращался. Я скорбно покачал головой, с мягким укором выматерился, закусил кусочком сыра и, дожевывая его на ходу, пошёл открывать этому нетерпеливому непрошенному гостю. В трусах и в очках.

Я открыл дверь. Потом закрыл её и снова открыл. Но нет, на пороге по-прежнему стоял инопланетянин. Такой сероватый, с огромными неподвижными глазами без век, с крошечными носом и ртом. Его тело тоже было серым и очень худым, тоненьким. То есть это был не человек в костюме инопланетянина, как я первым делом предположил, нет, человек бы просто не влез своими габаритами.

– Здравствуйте, – сказал инопланетянин, неестественно шевеля носом, – я ваш сосед.

– Снизу? – зачем-то уточнил я.

– Из галактики Андромеды, – ответил инопланетянин. – Вы нас заливаете.

– Тудуть... – я осёкся. Как-то невежливо было принимать гостя с другой планеты, а точнее, даже из другой галактики, используя инвективы. – Пройдёмте, – я сделал широчайший приглашающий жест. – Давайте посмотрим, заливаем ли вы нас, мы нас вас...

Инопланетянин торжественно прошествовал в квартиру, длинноного размахивая руками.

– Прошу вас, – я чуть склонился, указал в ванную и проследовал за ним. В ванной была тишь да гладь.

Инопланетянин постоял, как бы прислушиваясь. Хотя ушей у него не было вовсе.

– Не в этом смысле, – произнёс он наконец. – Я имел в виду другое.

– Выпьем? – предложил я. Одного кусочка сыра оказалось явно недостаточно, и меня повело.

– Можно, – согласился инопланетянин.

– Антон, – представился я.

– Эуорординортис-та-та-вама-гу-ник. Можно Коля, – ответил инопланетянин.

Я сходил в комнату за початым пузырьём, достал вторую рюмку, изящно обдул с неё пыль, и мы расположились за кухонным столом, где уже стояло блюдо с нарезанным сыром. Мы выпили. Коля раскрыл свой маленький круглый ротик необычайно широко, вставил в него рюмку и резко закинул голову назад. Издал характерное побряхтывание, схватил в узловатые пальцы сыр, свернул в трубочку и вдумчиво закусил. Мы повторили.

– Респект, Колян! Ты профи! – я не мог скрыть своего восхищения. – Так, ладно, расскажи мне, чем там я вас заливаю.

– Понимаешь, – голос у Коляна всё же немного опьянел и в нём появились нотки знакомой доверительности. – Я – из галактики Андромеды.

– Так! – я разлил нам по новой, мы чокнулись. – За галактику Андромеды! – мы выпили.

– Галактика Андромеды очень похожа на вашу.

– Да я вижу уже, чего там! – я подмигнул Коляну и ласково толкнул его плечом. Он оказался тёплым и чуть шершавым.

– Мы живём в планетарной системе на периферии шаровых скоплений, наша планета называется «...»

(Колян издал что-то вроде длительных ультразвуковых посвистываний, но ближе к концу названия был кнаклаут).

И вы, – продолжал он сердечно, – заливаете нас своим идиотизмом.

– Вот же ж блин! А как мы дотягиваемся?

– Квантовая запутанность, – Колян посмотрел на меня бездонно и свесил голову.

– Погоди, – я оживился, – то есть ты хочешь сказать, что наши планеты запутаны, как частицы?

А почему?

– Не знаю, – Колян пожал отсутствующими плечами. – Сам в жоке.

– А ты – это тиша я? – предположил я.

– Не думаю. Скорее всего, всё не так буквально, – предположил Колян. – Но мы с тобой тоже связаны, запутаны. К тому же – сфера твоей деятельности: ты пьёшь, и ты писатель.

– Да какой я писатель?!

– Известный. Но что я хочу сказать... если было бы нужно максимально точно обозначить сейчас наше положение, я бы сказал, что мы в жоке.

– А мы?

– Ну вы тоже в жоке. Но вы-то прилагаете все усилия для того, чтобы туда попасть, а мы-то туда не хотим. Понимаешь? – спросил он с надеждой.

– Отчасти, – соврал я. Что-то во всём этом было обидное, ущемляющее моё земное достоинство.

Мы помолчали. Коля вяло и безуспешно отколупывал серым пальцем с поверхности стола засохший кетчуп.

– Неприятность в том, что наше правительство хочет уничтожить Землю, надеясь тем самым покончить с вашим тлетворным действием на нас. Кто-то им там просчитал, что это безопасно.

– А откуда ты всё это знаешь?

– Я работаю кем-то вроде дипломата здесь у вас, поэтому в курсе наших планов.

– Взбунтовавшийся дипломат?

– Да. Но и слону ясно, что есть большая вероятность, уничтожая Землю, уничтожить и нашу розовую «...», – он снова засвистел и защёлкал.

– И ежу, – поправил я.

– Что и ежу? – удивился Колян.
– Ясно и ежу. Ты сказал слону.
– Какая разница?
– Ну просто у нас говорят: «Ясно и ежу». Ты видел ежей?
– Конечно!
– А слонов?
– Только на фотографиях. А ты?
– Мда... – я задумался, – я видел живьём в Зоопарке.
– И как?
– Что как?

– Они умнее ежей?
– Думаю, да. Знаешь, какая у них память? Оооо...
– Почему мы об этом говорим? – Колян огорчился. – Антон, скоро погибнут наши цивилизации. Ваша – точно, наша – с большой вероятностью. И все слоны, и все ежи тоже. Я пришёл к тебе, потому что это наш с тобой последний шанс.

– Говори, – разрешил я.
– Вот ты – известный писатель (я энергично запротестовал, но Колян остановил меня, и я смирился), да, ты работаешь в журнале, но – ты известный писатель. К тому же блогер.

– Я сегодня уволился из журнала, – горько признался я.
– Из себя же ты не уволился? – пресёк моё намерение понять Колян. Я энергично кивнул, и из моих очков выпало левое стеклышко.

– Пердимонокль, пардон, – я стал напаривать его на грязном полу. И вдруг услышал, что Колян задыхается, я резко подскочил и треснулся затылком об стол, взвыл, но вылез и вознамерился спасти гостя. Колян смеялся.

– Что такое пердимонокль? – отсмеявшись спросил он.

– Это когда очко выпадает... то есть, – новый взрыв задыханий сотряс худое серое тельце, – то есть, изначально, когда выпадает монокль. А вообще – удивление типа. Ну я имел в виду стеклышко из очков, – я заметил его наконец, поднял и попытался вставить обратно в оправу. – Постоянно, зараза, вываливается.

– Пердимонокль! Надо же! Надо будет запомнить. Если выживем, блесну непременно у нас на станции!

– Не знал, что у тебя такое тонкое чувство юмора, – сказал я сухо. Ударенный затылок ныл. Стеклышко не хотело обратно, я решил обмануть его бдительность, отложив в сторону, а потом, когда оно расслабится, я неожиданно схвачу его и вставляю.

– В общем, Антон, я предлагаю тебе сделку. Ты уничтожишь все правительства на Земле, а я...

– Погоди, погоди... Как «все»? Как я смогу?

– Смотри, – горделиво произнёс Колян, доставая, боюсь предположить откуда, тонкую чёрную палочку. – Этот прибор всё сделает. Но. Кто-то должен задать ему параметры. Я не могу, у нас на это запрет. А ты, я знаю, можешь. Но скажи, ты согласен со мной, что все беды у вас от правительств? Смотри, они же постоянно всех стравливают, они же не считают людей за людей. И вот ты уничтожишь все правительства на Земле, и на нашей розовой (свист и цокот) они тоже уйдут со сцены мировой истории.

– Ты затеял планетарный переворот?

– Ага, – Колян торжествовал, его единственная ноздря раздувалась. – А потом мы с тобой сможем основать новую цивилизацию, где не будет правительств, границ, захватнических войн, все будут жить в мире...

Я покачал головой.

– Мне кажется, твой план не сработает. Возникнут новые правительства, и новые границы. Надо как-то обойтись без уничтожений.

– Ты меня не слышишь! – Колян волновался. – Сегодня в полночь мы уничтожим вашу планету, нам надо помешать! Иначе всё! Понимаешь?

– А мы можем этим твоим прибором воспользоваться в мирных целях? Как он вообще работает?

– Если не вдаваться в подробности, то это нечто вроде волшебной палочки. Мы ей пользуемся по мелочам, глобально нам нельзя, договор, обещание.

– Так, – я почесал затылок, а мы могли бы тогда не уничтожить все правительства – официальные и теневые – а как бы их вразумить? Ну чтобы они почувствовали ценность каждой отдельной жизни, а не только своей собственной?

– В принципе, можно попробовать...

– И про твои правительства я тоже могу загадать, так?

– Да! Ты гений! Давай!

– Тогда, – я осторожно взял из рук Коляна чёрную матовую палочку, – сейчас... Как ты говоришь этим пользоваться?

– Надавил немного на центр, он засветится красным, поднеси ко рту и вербализуй.

– Так, – я надавил, палочка засветилась, – пусть все правительства на земле и на розовой планете прямо сейчас станут гуманными, добрыми и умными, перестанут вести войны, истощать ресурсы, обогащаться и начнут думать о жителях своей планеты, любить их и помогать им.

– Нажми ещё раз, – шёпотом произнёс Колян.

Я надавил на палочку, и она выключилась.

– Хорошо, – шёпотом произнёс Колян. – Посмотрим, что будет.

Он взял из моих рук прибор, развернулся и направился в прихожую.

– Погоди! – крикнул я, – а на посошок?

Мы выпили на посошок, я проводил Коляна, запер за ним дверь и лёг спать. Во сне мне привиделись добрые правительства наших планет. Они улыбались и тянули ко мне руки.

ОТШЕЛЬНИК

рассказ

– Ну это мы утром решим... всё, иди их укладывай, – Алька с энергичным усилием засунула в посудомойку крышку от сковороды и повернула ко мне лицо с таким выражением, что было ясно, что она предельно серьёзна.

Из детской раздавался визг, хохот и толчки чего-то огромного и твёрдого об пол. Время на часах было – без пятнадцати соседи вызовут полицию.

Когда я зашёл в комнату, они замедлили необузданное скакание на кровати, радостные и разгорячённые накинудись на меня и потребовали сказку.

– Сказку? – я завалился на спину, побарахтался, поправил сползшие набок очки. – Давайте сказку.

Дети напоследок весело взвизгнули и охотно улеглись под одеяло.

– А какую сказку?

– Про отшельника, – уверенно выкрикнула Марийка.

– Про отшельника, – согласился Робик.

– Про отщесельника? Но я вам её уже сто раз рассказывал. Нет, сто тысяч раз. Сто пятьсот тысяч миллионов раз!

– Про отшельника, – твёрдо повторила Марийка и ещё больше стала похожа на маму.

– Нет-нет, я же не хочу... Сто пятьсот... Ну ладно. Тогда слушайте, – я перевернулся на бок, подпер голову рукой и начал.

– Жил-был на свете один парень...

– Один глупый парень. Ты пропускаешь, – ревностно поправил Робик.

– Один глупый парень. Просто я хотел сказать потом, что он был очень глупый. Ну ладно.

Но вообще – не перебивайте, это же моя история.

– Не перебивай, – Марийка со своей кровати дотянулась ногой до кровати Робика и лежонько её толкнула. – Рассказывай.

– И вот он влюбился в прекрасную принцессу. Безответно.

Совершенно безответно, шансов было ноль. Я и тогда понимал, что она была настроена на другое. Я был бедным студентом, жил в общежитии. Родители у меня погибли, когда я был ещё маленьким, воспитывали меня дядя с тётей, у которых было своих трое детей, так что, когда я уехал в другой город, им стало чуть легче. Помогать мне они, разумеется, не могли. Но влюбился крепко, просто сходил с ума. В конце концов наделал глупостей, вылетел из института. А она забеременела и вышла замуж. Жить мне было негде (из общежития меня тоже, естественно, попросили), не на что и незачем. Я мог бы пойти куда-то работать, но мотивации, как в том анекдоте, не хватало.

От общей неустроенности я кантовался у своего друга Федыки, который работал сторожем на кладбище и состоял на учёте в психиатрической клинике. И вот сидели мы ночью и выпивали (газетка, рыба, все дела). И Федыка заснул, и я тоже стал задремывать... прямо сидя за столом. Голову на руки уронил... Вдруг чувствую, кто-то ласково так трогает меня за плечо. Я поднимаю морду и вижу старичка. Он успокоительно так говорит: «Ты, Ванюша, пошёл бы воздухом подышал. Только возьми с собой вот эту штуку» и показывает на огнетушитель в углу. А сам улыбается: «Давай, иди». Я говорю: «А вы кто?». А он мне: «А завтра, Ванюша, поезжай в горы. Помнишь, куда вы всем классом летом ездили? Вот туда, только один поезжай, никого с собой не бери. И оставайся там. Молись. Ешь, что рядом с собой найдёшь. Теперь иди». И показал почему-то на окно. Я посмотрел туда, а когда обернулся, никого рядом не было. Сон с меня слетел. И тут я услышал такой характерный шелест и почувствовал, что воняет гарью. Я схватил огнетушитель, выскочил за дверь и увидел, как пламя разрастается с северной стороны нашей сторожки, ещё бы несколько минут... а если бы я спал... В общем, я затушил огонь, растолкал Федыку. Показал ему сначала следы разбушевавшегося пламени и моего героизма, а потом рассказал про старичка. Я боялся,

что Федька начнёт надо мной издеваться, но он крайне серьёзно всё выслушал. А потом, вооружившись фонарём, отвёл меня в маленькую кладбищенскую часовенку, подвёл к какой-то потемневшей от времени иконе и осветил её. На ней был изображен тот самый дедушка, только он не улыбался и смотрел на меня, как живой.

– И решил стать отшельником. Собрал он свои вещи в рваный (а другого у него не было) рюкзак и ушёл в горы. Нашёл себе пещеру, расположился там и стал жить. Еды там не было, то, что он взял с собой в дорогу, быстро закончилось. Из того, что можно было поймать и съесть, он заметил только птиц, которые летали очень высоко, но, по его внутренним ощущениям, они сами рассматривали его в перспективе как еду. В общем, он уже ослабел от голода и почти всё время лежал в углу пещеры, но проснулся и вышел, извините, пописать. Чего вы ржёте? Да, представьте себе. Вышел и в нескольких метрах от входа в пещеру обнаружил корзину с едой. Там был кусок хлеба, немного овечьего сыра и кувшин с чистой водой. Видимо, кто-то из жителей деревни, мимо которой он проходил, когда искал своё уединенное место, увидел, что он здесь, того, скоро двинет кони, и пожалел. Он, конечно, поел. И с тех пор примерно через день-два ему приносили корзину с едой и забирали пустую.

Он много молился. Так и проходили его дни. Он оброс, одежда превратилась в лохмотья. Короче, он стал уже настоящим отшельником. Что удивительно, он ни разу не увидел тех, кто его кормил. И, наверное, он не особенно старался, потому что в глубине души был уверен, что это Господь подаёт ему пищу, а каким способом он это делает – дело десятое. В молитвах он неустанно благодарил Господа и чувствовал, что свет всё ближе. Так прошло двадцать лет. То есть, он точно не знал, сколько лет прошло, но потом выяснилось, что прошло двадцать лет, три месяца и одиннадцать дней.

И вот прошло уже четыре дня, а рядом с кустом стояла пустая корзина. Он уже вытряс и съел все крошки, которые там затерялись. На следующий день тоже никто не пришёл. Очень хотелось пить. Он знал, куда нужно спускаться за водой. Дорога к ближайшей деревне заняла бы около часа. Он стал молиться, чтобы Господь дал ему знак. Следует ли ему лечь и медленно умереть от жажды и голода или последовать за ними, чтобы они привели его в деревню. Он молился очень долго, устал и сам не заметил, как прилёт и задремал. И во сне увидел, как прямо к нему на гору, на крошечный участок плоской земли рядом с пещерой, забрела отара блеющих овец, а за ними пожилой пастух. Он шёл и прикрикивал на них: «Иди! Иди!». На отшельника он не смотрел. Но когда отшельник проснулся, он понял, что это был ответ на его вопрос. Тогда он поднялся, поправил свои лохмотья и стал спускаться вниз. Он сильно ослаб и каждое движение давалось ему сложно. Несколько раз он чуть не сорвался вниз, подвернул по очереди обе ноги, содрал кожу на руках. В общем, с горем пополам он дошёл до той самой деревни. Каково же было его удивление, когда дом за домом оказывался заколочен, заброшен. В деревне никого не было. Она пустовала. Не было людей, собак, скота. Тихо, безжизненно. Он совсем выдохся и присел на бревно, чтобы подумать, как быть дальше. Нужно было найти колодец. Про себя он непрестанно молился. Он осмотрелся и увидел дом, в котором ставни не были заколочены. Он встал и подошёл к нему, вошёл во двор через открытую калитку, входная дверь тоже была не заперта. В сенях царил полумрак, на скамейке стояла кадка с водой. Он первым делом напился. Потом он заглянул в комнату и сразу увидел, что на кровати лежит женщина с закрытыми глазами и тяжело дышит. Он набрал в жестяную кружку, из которой только что пил сам, воды и подошёл к женщине. Она была без сознания. Очень бледная. Почти прозрачная. На звук его шагов она никак не отреагировала. Он приподнял её голову вместе с подушкой и попытался её напоить. Но вода в основном натекла ей за шиворот, хорошо, если несколько капель попало в рот. Женщина застонала и приоткрыла глаза, но потом сразу закрыла.

– Не бойтесь, – сказал отшельник, – я постараюсь вам помочь. Но нужно выпить воды. Я сейчас.

И он пошёл и снова набрал воды из кадки. И снова приподнял голову вместе с подушкой. Видимо, женщина его услышала и поняла, потому что на этот раз она выпила почти всю воду. Хотя её глаза были по-прежнему закрыты. И после этого она заснула и дышала ровно и спокойно. А он сидел рядом и смотрел на неё.

Потом она проснулась и посмотрела на него так, как будто они давно знакомы.

Честно говоря, меня это больше всего и потрясло. Мы как будто знали друг друга, и вот встретились. Наверное, я озверел от одиночества и любое человеческое существо показалось бы мне близким и знакомым. Я это понимал, но одновременно знал и то, что это всё уникально и исключительно.

– Живот, – сказала женщина, с трудом разлепив губы.

Хотя почему я называю её женщиной? Это была молодая девушка. Очень красивая.

– Сильно болит живот, – и опять закрыла глаза.

Отшельник мысленно заметался. Нужно вызвать врача. Но как? Никакого телефона он не наблюдал. Тогда он решил бежать (это сильно сказано, конечно) к дороге и караулить машину. Чтобы девушку повезли в больницу. Так он и сделал. Как только он вышел на трассу, которая проходила недалеко от деревни, он увидел фуру. Остановил её. Вышел мужик с ломяком. Отшельник объяснил ему ситуацию, и мужик легко согласился довезти их до ближайшей больницы.

– Только, эта... фура не пройдёт. В деревню, – мужик почесал коротко остриженный затылок.

И они придумали нести девушку на одеяле до фуры. Остановили так близко, как можно. И на одеяле донесли.

Это, конечно, был тот ещё квест (вот те квест. Хотя я тогда ещё таких слов не знал). Во-первых, нам надо было её аккуратно переложить, а она стонала от каждого прикосновения. Потом, точнее до этого, нам предстояло её переодеть – ночная рубашка на ней и всё постельное белье были насквозь мокрые. Как-то мы с этим справились. Водитель фуры, его звали Артём, сообразительнее меня находил всё в доме. В шкафу быстро отыскал что-то вроде спортивного костюма. Как мы её донесли, как доехали, как ждали в приёмной – я помню в тумане и с пропусками.

– В общем, они отдали её врачам, Артём уехал, а отшельник остался ждать в приёмной. Наконец полная печальная женщина, которая сидела за стеклом и постоянно отвечала на телефонные звонки, слегка привстала со стула и грустно ему сказала:

– Дедушка, подойдите сюда, пожалуйста.

Он не был уверен, что она обращается к нему, но поскольку больше никого рядом не было, подошёл. В стекле отразилась его всклокоченная грязная голова, длинная бесформенная борода. Он опустил глаза на свои лохмотья и понял, что его ещё лестно называли дедушкой. Логичней было бы обратиться к нему: «Эй ты, бомжара».

– Нам нужно заполнить карточку пациентки. Вы знаете, как её зовут, сколько лет? Где живёт?

– Знаю только, где живёт. Правда... адрес не скажу. В деревне тут, недалеко, – отшельник сделал движение, как будто собирался пойти показать.

– Ясно, – грустная женщина погрузилась ещё больше.

– А как она?

– О, ну это вам врач скажет. Пока в операционной.

Отшельник вздохнул и отошёл. Примерно на полпути к стулу, на котором он уже привык сидеть, ему стало окончательно нехорошо, мир съехал влево и отшельник потерял сознание. Когда он очнулся, то уже лежал на кровати, а из руки у него торчала капельница.

– Марийка уже спит, – шёпотом сказал я Робику, – давай я завтра дорасскажу?

– Я не сплю, – сонным голосом отозвалась Марийка, – просто так лучше представлять. Могу и открыть. Вот смотри, – она мучительно-широко распахнула глаза. – Могу и так. Рассказывай.

– Да, ты права, с закрытыми глазами представлять лучше. Ну хорошо. Отшельник лежал на кровати в больнице и вспоминал, что случилось и как он тут оказался. И тут в палату зашла та самая девушка. Она была в больничной одежде, шла она медленно, буквально ковыляла. В руках у неё было большое красное яблоко. А ещё она улыбалась. Отшельник обрадовался и испугался. И пока он пытался понять, чего в этом больше – радости или испуга, она села на краешек его кровати, положила яблоко на тумбочку, заправила за ухо вьющуюся каштановую прядь и тихо сказала «привет».

Потом они разговорились, познакомились. Она рассказала ему, что ей вырезали аппендицит. Он рассказал ей, как её нашел, как ловил попутку, про Артёма и вообще. Потом попытался съесть яблоко, но у него не хватило сил, это было ужасно смешно. Он пробовал его укусить, но зубы проскальзывали, челюсть уставала, и они хохотали. Но нашли выход. Первая откусила Саша (девушку звали Александра), а потом уже он, цепляясь за уступы сочной белой мякоти, смог отъесть по маленькому кусочку.

– Ванечка, – Саша задумчиво посмотрела в окно, – а давай тебя подстрижём?

Отшельник ошалел. Но не подал виду. Через минуту Саша уже притащила раздобытую где-то машинку, выставила на ней длину щетины 1 сантиметр и твердой рукой побрила отшельнику голову и лицо. Потом достала из кармана пакет и собрала в него длинные грязные в ресьях и соломе волосы. Аккуратно завязала и скромно унесла. Когда она вернулась, отшельник спросил у неё:

– Саша, а ты тоже носила мне еду в пещеру?

Саша помолчала.

– Я видел у тебя в доме знакомую корзину. Ну или просто похожую.

– Рассказать тебе?

– Да.

– Когда ты проходил мимо нашей деревни, мне было пять лет. Потом мы с дедушкой пошли в горы гулять и увидели тебя в пещере. Ты лежал там без воды и еды и умирал. Когда мы вернулись, я рассказала двум своим друзьям. Дедушка спросил, хотим ли мы отнести тебе еду. И мы стали носить. Иногда по очереди, иногда все вместе, как получалось. Потом многое менялось. Мы выросли. Дедушка умер. Из нашей деревни постепенно все поужезжали. Я долго оставалась единственным здоровым человеком на пять домов с бабушками. Одна из них умерла, остальных забрали родственники. И я осталась одна.

– И ты всё это время продолжала носить мне еду?

– Конечно.

– Но почему?

Саша молчала, а потом заплакала.

– Саша! Я же даже не знал, кто мне приносит эти корзины. Я даже не думал. Почему? Как так вышло? – бритый отшельник недоумевал и сокрушался.

– Что значит «сокрушался»? – Робик нахмурил брови.

– Ну это значит огорчился, но очень заметно. И, как мы помним, отшельник был глупый. И за двадцать лет отшельничества он не только не поумнел, а наоборот – стал ещё глупее, особенно в том, что касается женщин. Поэтому вместо того, чтобы обнять Сашу и успокоить, он продолжал её допрашивать. И тогда она сама перестала плакать, посмотрела на него, как она умеет, очень серьёзно и строго, и сказала: «Потому что я тебя люблю».

И для отшельника это было просто как удар молнии. В этот момент одна его жизнь закончилась и началась другая. Они поженились и жили вместе долго и счастливо. Конец.

– Папа, – не открывая глаз, позвала Марийка, – а Бог на отшельника не обиделся?

– За что?

– Ну он же выбрал не его, а девушку.

– А, в этом смысле... Мне кажется, Бог не обиделся. Он даже обрадовался. И благословил их.

– А как?

– Очень хорошими, просто замечательными детьми. Вот такими вот и вот такими вот, – я по очереди поцеловал тёплые засыпающие щеки и многозначительно выключил настольную лампу. – Ночник оставляю. Спокойной ночи!

Вышел из комнаты и прикрыл дверь.